

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 291

Июнь

2006

Серия «Филология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Иванцова Е.В.** Изучение языковой личности в томской лингвистической школе 5
Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) 12

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Айзикова И.А.** К проблеме контекста работы В.А. Жуковского над переводом Нового Завета
(по материалам архива писателя) 20
Вётшева Н.Ж. Планы и конспекты волшебного-исторической поэмы В.А. Жуковского «Владимир» (публикация и комментарий) 25
Гребнева М.П. Флорентийский мир Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой 32
Гребнева М.П. Флорентийский мир Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой 38
Данилевский Р.Ю. Сибирский Лессинг 43
Дашевская О.А. Д. Андреев и С. Булгаков: к вопросу о генезисе концепции «Роза Мира» 46
Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века:
культурологические аспекты изучения поэтики 56
Жилыкова Э.М., Васильева Е.Ю. Л. Стерн в творческих опытах молодого Л.Н. Толстого («La belle Flamande») 61
Завьялова Е.Е. Об устойчивой модели лирической медитации в русской поэзии 1880–1890 гг. 66
Казаков А.А. Литературная классика в ситуации распространения электронных форм бытования литературы:
проблемы филологического образования 73
Канунова Ф.З. Библиотека Г.С. Батенькова в Томске 77
Кафанова О.Б. Пушкин и Жорж Санд: творческий дискурс (факты и гипотезы) 81
Киселёв В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма 89
Мекш Э.Б. Проза поэта (очерк Александра Шириэвца «За бортом») 95
Панова О.Б. Онтологический статус слова в философском и художественном сознании Л.Н. Толстого 99
Разумова Н.Е. Онтология судьбы в драматургии А.П. Чехова 103
Рыбальченко Т.Л. Семантика киноискусства в новеллистике В. Шукшина 113
Шабанов Л.В. Метафора смысла и адиафора отражения 125
Сейбель Н.Э. Бог как гносеологическая категория в эстетике Германа Броха 128
Степаненко С.Б. Истина в словесном творении: к вопросу о герменевтико-феноменологическом
понятии литературы 135
Янушкевич А.С. Философия и поэтика гоголевского Всемира 145

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Гураль С.К.** Развитие коммуникативной компетенции у студентов дополнительного высшего образования
«Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» 155
Дронова Л.П. Откуда пришло должное? (к проблеме языкового отражения евроазиатского культурного диалога) 157
Жукова Н.С. Категориальные значения и проблема грамматической синонимии
(на материале современного немецкого языка) 165
Кильмухаметова Е.Ю. Основные понятия теории релевантности 170
Кильмухаметова Е.Ю., Курохтина Е.В. Роль невербальных средств в установлении коммуникативной цели
речевого акта (на материале современной французской художественной литературы) 173
Песина С.А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики 177
Петрунина С.П. Функционально-семантическое поле персональности в диалекте 183
Старикова Г.Н. Размышления о ЕГЭ по русскому языку 188
Щитова О.Г. Польские заимствования в томской разговорной речи XVII века 195

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Абакумова Н.Н., Истомина Н.Н. Профессиональное самоопределение субъекта в процессе обучения и преподавания иностранного языка	200
Агафонова Л.И. Развитие учебных стратегий на примере учебных пособий для обучения иностранному языку студентов электрофизического и гуманитарного факультетов	206
Антоненко Т.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в условиях информационного образовательного пространства: к постановке проблемы	210
Захарова Г.В. Межкультурная германистика как основа межкультурного подхода к обучению иностранным языкам в Германии	217
Качалов Н.А. Особенности использования аутентичных видеодокументов в обучении иностранному языку	221
Кузнецова С.В. От аудирования к говорению	228
Михалева Л.В. Формы организации самостоятельной работы студентов в условиях коммуникативного обучения иностранным языкам	231
Нестерова Н.М. Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм	235
Рахманина М.Б. Реализация принципа опоры на включенность культуры в процесс обучения в методах обучения иностранным языкам	239
Рахманина М.Б. Обучение чтению на иностранном языке как компонент многоаспектного образования (к вопросу о реализации педагогической категории «метод обучения» в конкретной методике обучения)	244
Ростовцева В.М., Качалов Н.А. Формирование языковой компетенции субъектов высшей школы на материале второго иностранного языка	249
Ростовцева В.М. Языковая подготовка как составляющая современной стратегии подготовки педагогических кадров	255
Слесаренко И.В. Особенности процесса формулирования высказывания на основе иерархической структуры элементов аргументации	260

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОМЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Гальцова Н.П. Развитие новых технологий в рамках приоритетных направлений модернизации образовательной системы	264
Жилякова Э.М. А.П. Елагина в истории российского образования (по материалам переписки А.П. Елагиной с В.А. Жуковским)	267
Сороковых Г.В. Сущностная характеристика субъектно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке специалистов в вузе	276

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Канунова Ф.З. Томский период в моей жизни	280
Бартосевич Ф.Ф. На перекрестке войны	286
Колесникова Р.И. Корни и ветви экологов ТГУ	290

ЮБИЛЕИ

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. К юбилею Ольги Иосифовны Блиновой	295
---	-----

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	297
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	300

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 291

June

2006

Series «Philology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

REVIEWS

Ivantsova E.V. The learning of language's personality in Tomsk's linguistic school	5
Kalitkina G.V. Dialect dictionaries as a linguistic and cultural source: an attempt at tradition reconstruction	12

LITERATURE STUDIES

Ajzikova I.A. To the Problem of Zhukovsky's work on the New Testament translation (the autor's archive materials)	20
Vjotsheva N.Z. Plans and notes of «Vladimir», a magic-historic poem by V.A. Zhukovsky	25
Grebneva M.P. Florence of O.E. Mandelstam	32
Grebneva M.P. Florentine world of N.S. Gumilev and A.A. Achmatova	38
Danilevskiy R. Siberian Lessing	43
Dashevskaya O.A. D. Andreev and S. Bulgakov: to the problem on genesis of the conception «The Rose of the World»	46
Domanskiy V. The Russian manor in the literature of the XIX-th century: cultural aspects of the poetics study	56
Zhiliakova E.M., Vasilieva E.Y. L. Sterne in creative experiments of young L.N. Tolstoy («la belle Flamande»)	61
Zav'jalova E.E. About steady model of lyrical meditation in Russian poetry 1880–1890 years	66
Kazakov A.A. Classical Literature in electronic forms: problems of philological education	73
Kanunova F.Z. G.S. Batenkov's library in Tomsk	77
Kafanova O.B. Pushkin and George Sande: Creative Discourse (facts and hypotheses)	81
Kiselev V.S. The problem of universal narrative in Russian sentimental aesthetic	89
Meksh E.B. Poet's Prose (Alexander Shiriayevtsev's essay «Overboard»)	95
Panova O.B. Ontological status of the world in philosophic and artistic consciousness of L.N. Tolstoy	99
Razumova N.E. The onthology of fate in Checkov's plays	103
Ribalchenko T.L. Semantics of cinematography in V. Shukshin's novels	113
Shabanov L.V. Metaphorical modelling of sense and him Adiaphorical reflection	125
Seibel N.E. God as a gnoseological category in the Herman Broh's aesthetics	128
Stepanenko S.B. The truth in poetic work of art: anent the hermeneutical-phenomemological concept of literature	135
Yanushkevich A.S. The Philosophy and Poetics of Gogol's Vsemir (the Universe)	145

LINGVISTICS

Gural S. The role of students project activity in developing communicative competence	155
Dronova L.P. Where has a must come from? (To the problem of language reflection of Eurasian cultural dimension)	157
Zhukova N.S. Categorical values and the problem of grammatical synonymy (on the basis of German)	165
Kilmukhametova E.U. The main notions of theory of relevance	170
Kilmukhametova E.U., Kurokhtina E.V. The role of nonverbal means in establishing the communicative goal of the speech act (based on modern french literature)	173
Pesina S.A. The distinction of language and speech in prototypical semantics	177
Petrulina S.P. Functional semantic field of personality in dialect	183
Starikova G.N. Thoughts about russian language	188
Shchitova O.G. The polish borrowings in the Tomsk colloquial speech of the XVII-th century	195

THE PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abacumova N.N., Istomina N.N. Professional self-determination of the subject in the process of foreign language and culture teaching and learning	200
Agafonova L.I. Development of learning strategies in the textbooks of foreign languages for specific purposes (electrophysics and electronic equipment, humanities)	206
Antonenko T.A. Developing foreign language communicative competence with the help of ict. Topic to be considered	210
Zackharova G.V. Intercultural germanistic as the basis of the intercultural approach to teaching foreign languages in Germany	217
Kachalov N.A. Peculiarities of using authentic video materials in foreign language teaching	220
Kuznetsova S.V. From listening to speaking	228
Mikhaleva L.V. The forms of organization of students' self-study activity in foreign languages in conditions of communicative learning	231

Nesterova N.M. Translation theory: hermeneutics vs deconstruction	235
Rakhmanina M.B. Realization of the principle of culture inclusion basis in the educational process of foreign language teaching	239
Rakhmanina M.B. Teaching reading comprehension in a foreign language as a multiaxes structure	244
Rostovtseva V.M., Kachalov N.A. The formation of linguistic competence of higher education subjects on the material of a foreign language	249
Rostovtseva V.M. Linguistic competence as part of modern teacher training strategy	255
Slesarenko I.V. Peculiarities of utterance formulation process based on elements of critical thought and reasoning	260

SOCIALPSYCHOLOGICAL AND BIOMEDICAL ASPECTS OF EDUCATIONAL PROBLEMS

Galtsova N.P. Development of new technologies within the limits of priority trends of modernizing the educational system	264
Zhiliakova E.M. A.P. Elagina in history of Russian education (on the materials of correspondence with V.A. Zhukovsky)	267

MEMOIRS. MEMORABLE DATA. PERSONS

Kanunova F.Z. The Tomsk's period in my life	280
Bartosevich F.F. On the cross-road of the war	286
Kolesnikova R.I. The roots and branches of ecologists of TSU	290

JUBILEES

Golev N.D., Lebedeva N.B. From jubilee of Olga Iosifovna Blinova	295
---	-----

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	297
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	300

РУССКАЯ УСАДЬБА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТИКИ

Статья посвящена проблеме изучения так называемой усадебной повести в русской литературе XIX в. Автор предлагает свое прочтение основных культурологических доминант, а также элементов сюжетостроения и особенностей композиции произведений о русской усадьбе.

Продуктивным способом изучения наследия русских классиков является культурологический подход, когда литературный текст не только рассматривается в контексте культуры, но и прочитывается как ее художественная модель. Одним из интереснейших феноменов отечественной культуры является русская усадьба, ставшая в последнее десятилетие объектом пристального внимания историков, культурологов, искусствоведов, филологов. В ежегодных сборниках Общества изучения русской усадьбы [1] она предстает как средоточие архитектуры и садово-паркового искусства российской провинции, выражение художественных вкусов времени. Мир русской усадьбы рассматривается как многоплановый текст, предельно насыщенный культурными знаками. В первую очередь это касается такого важнейшего компонента усадьбы, как ее сады и парки. Устроитель садов в Павловске Пьетро Гонзаго считал, что сад должен читаться как роман, и характер его раскрывается в смене перемежающихся видов, эту идею он воплотил в садах Павловска [2]. Д.С. Лихачев в известной книге «Поэзия садов» развивает эту мысль о восприятии сада как эстетической системы: «Сад “говорит” его посетителю не только значением его отдельных компонентов, но и тем, чем говорит каждый стиль в искусстве: путем создания эстетической системы...» [3. С. 10–11].

За многовековую историю своего существования в европейском и в восточном мире сад выражал представление человека об универсуме, его отношение к природе, культуре, изначально выступая идеальной моделью реальности, раем на земле. С другой стороны, его элементы могут прочитываться как своеобразные тексты о человеке, его качествах и свойствах души. Эта традиция имеет глубокое основание в персидской и арабской поэзии, и, прежде всего, в известных поэмах Саади Ширази «Бустан» («Плодовый сад») и «Гулистан» («Сад роз»).

Сад создает эмблематическое представление о человеке и мире, раскрывает психологическое содержание жизни посетителя. Эту мысль выразил в своей знаменитой поэме «Сады» французский поэт Жан де Лиль.

Для русской культуры среди известных типов садов (Ренессанса, Барокко, Классицизма, голландского Барокко, Рококо) особую роль сыграл романтический сад, бытование которого совпало с золотым веком русской литературы. Все компоненты романтического сада (аллеи, беседки, мостики, скамейки, цветники, лужайки, поляны, ландшафт в целом) стали содержательными поэтическими элементами «усадебной повести» (термин В.Г. Щукина) [4. С. 575]. Исследователь настаивает на определении «усадебная повесть», распространяя его и

на романы И.С. Тургенева, которые из-за их небольших объемов называет повестями. Вместе с тем целесообразнее выделять как усадебную повесть, так и усадебный роман, хотя усадебная повесть достаточно частое явление в русской литературе XIX в. (И. Тургенев «Затишье», «Переписка», «Фауст», «Первая любовь», повести И. Панаева, М. Жуковой), а усадебный роман мы находим только у И.С. Тургенева. Усадебная повесть также может входить в структуру романа. Завершенные сюжеты усадебной повести содержат романы А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и «Дубровский», романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв».

Определение «усадебная повесть» предполагает не только формальный признак – место действия (русская усадьба), но и особую структурную организацию произведения, строение сюжета. Топос усадьбы в ней является не только фоном действия, но и «действующим лицом» сюжета, которое нередко определяет его основные коллизии. Можно сказать, что события усадебной повести или романа вписаны в другой, более емкий текст – метатекст усадьбы с его знаками, кодами, не только создающими образ мира, но и выражающими концепцию бытия. В том и заключается особенность прочтения усадебной повести или романа, что их смысл открывается в постижении этих двух текстов, где пространство усадьбы – среда и участник действия, и философско-эстетического, где топос усадьбы – метафора мира.

Усадьба как природно-культурная среда создавалась с расчетом на столетия, переходила по наследству, символизировала социальный и культурный статус дворянской семьи, а вместе с тем и сложившуюся философию усадьбы как «приятного уголка», «золотого века», Аркадии. И все ее компоненты, даже архитектурные детали, служили этой задаче: белые колонны символизировали свет и чистоту, желтые стены здания – «золотой век», зеленые крыши зданий вместе с окружающей зеленью садов и парков – надежду и вечную молодость, обширные поляны и лужайки – Елисейские поля.

В усадебной повести постоянно звучит мотив возможности высшего счастья, гармонии с миром, земного рая, заданный моделью самой усадьбы – ее художественной вселенной [5]. Так, раем на земле предстала перед героем романа И.А. Гончарова «Обрыв», Борисом Райским, его родовая деревушка, куда он приехал после долго отсутствия повидаться с бабушкой.

«Какой эдем распахнулся ему в этом уголке... С одной стороны Волга с крутыми берегами и Заволжье; с другой стороны – широкие поля, обработанные и пустые, овраги, и все это замыкалось далью синев-

ших гор... Сад обширный около обоих домов, содержащийся в порядке, с темными аллеями, беседкой и скамьями... Подле сада, ближе к дому, лежали огороды, там капуста, репа, морковь, петрушка, огурцы, потом громадные тыквы, а в парнике арбузы и дыни... Перед окнами маленького домика пестрел на солнце большой цветник...» [6. Т. 5. С. 60–61].

Дополняет эту картину описание домашней живности и всего разнообразия фауны. Создается ощущение удивительной гармонии человека с окружающим миром.

«Двор был полон всякой домашней птицы, разнообразных собак. Утром уходили в поле и возвращались к вечеру коровы и козел с двумя подругами. Несколько лошадей стояли почти праздно в конюшнях. Над цветами около дома реяли пчелы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышке крыльями бабочки, по уголкам жались, греясь на солнышке, кошки, котята» [6. Т. 5. С. 62].

Хронотоп этого рая, с поэтическим названием Малиновка, конструируется самими разнообразными топосами: садом, цветниками, огородом, природными дарами, всем окружающим пространством. Не менее ярко выражены в «тексте» сада разные культурные и этнографические стили. Даже одностильный сад представляет собой открытую систему, которая позволяет «вкрапывать» в свою структуру топосы разных культур. Поэтому в одном усадебном романе автор может представить несколько стилей садов и парков, которые напрямую зависят от вкусов и культурного развития их владельцев. Так, в «Отцах и детях» И.С. Тургенева встречаются три типа садов: романтический сад в усадьбе Николая Петровича Кирсанова, классический сад в имении Анны Сергеевны Одинцовой, небольшой патриархальный садик с «медицинскими травами» у родителей Базарова. Каждый из этих садов расширяет свое культурное пространство за счет включения элементов других культурных стилей. Романтический сад Кирсанова ориентирован на хозяйственную функцию усадьбы – ферму. В регулярном французском саду Одинцовой, заложенном еще в XVIII в., находится греческий портик, где должны быть помещены романтические статуи: Уединение, Молчание, Размышление, Меланхолия, Стыдливость, Чувствительность. На любимой скамейке, в сени акаций, философствует и провожает заката, точно герой-романтик, отец Базарова.

Каждый стиль сада включает в себе определенную систему эстетических кодов. Важны даже отдельные его топосы, уголки сада, конкретные деревья. В сиреневой беседке завязывается романтический сюжет, который заканчивается «рыцарским» турниром между Павлом Петровичем и Базаровым. Возле греческого портика, в сени березы (дерева, которое в славянской мифологии ассоциируется с Берегиней, покровительницей дома, семьи, рода), происходит объяснение в любви двух «птенчиков» – Аркадия и Кати Одинцовой. Василий Иванович Базаров, подобно римскому сенатору Цинциннату, возделывает свой сад и огород.

Рассматривая структуру усадебной повести, можно выстроить сужающуюся рамку пространства: сад, дом (часто архитектурный комплекс), интерьер, пор-

трет (как настенные фамильные портреты, так и живые портреты обитателей усадьбы).

Дом, или архитектурный комплекс усадьбы, обычно располагался на берегу реки или пруда, как, например, усадьба Михаила Николаевича Ипатьева (повесть И.С. Тургенева «Затишье»). Главные постройки воздвигались с установкой на хорошую видимость издали, поэтому в богатых усадьбах архитекторы стремились придать центральному зданию усадьбы черты величия и торжественности, как правило, используя классицистические архитектурные формы. Так выглядел «огромный каменный дом» в имении Троекурова с зеленой крышей и бельведером. Центральная часть ансамбля усадьбы строилась по принципу трехчастия: посередине господский дом, украшенный колоннами и портиком с фронтонами и увенчанный куполом. Боковые части – симметрично расположенные по отношению к главному дому – флигели. Эта схема для крупных усадеб воспринималась почти как обязательная, но в многочисленных вариациях.

В старинных усадьбах центральный комплекс усадьбы дополнялся зданием церкви, выполненной обычно в том же стиле, что и усадебный дом (имение Анны Сергеевны Одинцовой). Храм с устремленным ввысь объемом задавал своеобразную вертикаль в пространственной композиции усадьбы. Роль этой духовной вертикали может играть скромная деревянная церквушка (и даже часовенка, как в романе «Обрыв»). Храм мог располагаться, как в имении Троекурова, на другом холме или поодаль от жилых и хозяйственных помещений и воплощал собой особый мир покоя и незыблемости устоев. В усадебных церквях часто располагались родовые усыпальницы, как бы объединяя в пространстве храма живущих и ушедших хозяев усадьбы, образуя нерасторжимую связь времен и людей. Иногда родовые усыпальницы располагались в нескольких верстах от центральной усадьбы, окруженные густым парком, создающим ощущение вечных сумерек и покоя.

Важную роль в тексте усадебной повести играют интерьеры: описание комнат, мебели, картин, посуды, библиотек и отдельных книг, фамильных портретов и картин, разных милых безделушек, на что также целесообразно обратить внимание читателей. Это своего рода культурные, исторические, семейные декорации к действию. Они, как правило, с большим эстетическим вкусом «нарисованы» в произведениях. Даже Тургенев, который обычно избегает в своих текстах картин быта, тщательно, как живописец, их выписывает. В качестве одного из примеров приведем описание кабинета Павла Петровича в романе «Отцы и дети»: «Павел Петрович вернулся в свой изящный кабинет, оклеенный по стенам красивыми обоями дикого цвета, с развешанным оружием на пестром персидском ковре, с ореховой мебелью, обитой темно-зеленым трипом, с библиотекой renaissance из старого черного дуба, с бронзовыми статуэтками на великолепном письменном столе, с камином...» [7. Т. 7. С. 40].

Интерьеры Гончарова эпически подробны, в духе фламандских мастеров:

«Чего там не было? Комнатки маленькие, но уютные, с старинной... мебелью дедов, дядей, и с улы-

бавшимися портретами отца и матери Райского. <...> Шкафы были набиты старой, дрожавшей от шагов, старинной посудой и звеневшим серебром. На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелые ложки. Кругленькие стулья, с медными ободочками и с деревянной мозаикой столы, столики жались по уютным уголкам» [5. Т. 5. С. 62].

В интерьерах словно таится дух бывших владельцев усадьбы, предков. Их присутствие подтверждается семейными портретами. Молча взирают со стен предки и, кажется, что они тоже участвуют в происходящих событиях, одобряя или осуждая поступки своих потомков. Память о прошлом является важной особенностью усадебного текста, в котором многое напоминает об ушедшем: портреты и могилы предков, ветхие дома, усыхающие деревья, старая мебель, книги, вещи, семейные легенды и предания. Все это способствует созданию элегической атмосферы «дворянских гнезд», в которых хранится давно ушедшее.

Чтение произведений о русской усадьбе – это всегда погружение в культурную, творческую среду с культом муз и искусств. В мире усадьбы поют, музицируют, рисуют, разговаривают о политике и искусстве. Здесь складываются художественные вкусы, формируются эстетические представления. Они нередко определяют возможность духовного сближения героев или их антагонизм. Например, через отношение к музыке Тургенев показывает невозможность союза Лизы Калитиной, героини романа «Дворянское гнездо», и Владимира Паншина. Если героя в музыке интересует ее чисто внешняя, эмоциональная сторона, то Лизу, как и Лаврецкого, музыка волнует глубоко; зарождение любви в сердцах героев начинается с музыки, музыка передаст кульминацию их чувств, скажет то, что нельзя сказать словами.

Духовную атмосферу усадьбы организует семейная идиллия с трогательной сентиментальностью отношений, возвышенными чувствами, эстетической просветленностью бытия. Здесь воспитывается чистейшее создание на земле, «чистейшей прелести чистейший образец»: Татьяна Ларина, Наталья Ласунская, Лиза Калитина, Елена Стахова, Вера из романа «Обрыв».

Хотя события в усадебной повести или романе очерчены границами дворянского поместья, в его действие включается соприкасающийся с ним крестьянский мир. Это не только непосредственные контакты владельцев усадьбы с крестьянами, но и взаимодействие дворянской культуры с народной: святки, гуляния, праздники, разные виды хозяйственной и благотворительной деятельности (устройство владельца школ и больниц).

Ярче всего эта связь двух миров проявляется в биографиях героев: их происхождении (Лаврецкий – сын дворянина и крестьянки Меланьи), воспитании (няня Лизы Калитиной, крестьянка Агафья, – ее религиозная наставница), любовных увлечениях и союзах (Николай Петрович и Фенечка). Присутствие в усадебной повести крестьянского мира, русской природы свидетельствует о разном характере ее структуры.

Русская усадьба в своем архитектурном облике, разбивке садов, образе жизни ее обитателей ни в коем случае не уравнивается с провинцией, и в этом, как отмечает О.С. Евангулова [5. С. 17–18], ее исключительность. Здесь ведутся те же разговоры и споры, что и в столицах. Хозяева усадеб нередко знакомы с цветом русского общества, часть своей жизни, обычно осень и зиму, проводят в городе, даже за границей. В усадьбе живут в основном летом, именно в эти летние месяцы и протекают главные события усадебной повести.

Сюжет усадебной повести складывается из взаимодействия событий общественной и культурной жизни, повседневного быта, истории рода, семейных коллизий. Если лиродраматические сцены определяют его сюжет, то биографические, исторические, хозяйственные очерки больше входят в структуру матасюжета, являющегося своеобразным контекстом для эмпирических событий. Поэтому читатель, переживая драматические коллизии, должен выйти к философским, идеологическим и культурным проблемам, хотя в усадебной повести (и в этом тоже ее отличительная особенность) доминирует любовная коллизия.

Коллизии усадебной повести или романа могут быть соотнесены с известными литературными и библейскими мотивами: искушения, грехопадения и искупления, ситуациями «потерянного» и «возвращенного» рая. Ситуация «возвращенного» рая вовсе не означает достижения главными героями гармонии и счастья, а обозначает лишь возвращение жизни к исходной ситуации, нередко относимой к новому поколению, как в эпилоге романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». «Младое племя» вносит в усадебную жизнь новую поэзию и очарование, молодые мечты и надежды, и жизнь продолжается. Поэтому в усадебной повести нет трагических финалов, но и нельзя назвать их оптимистическими, т.к. главные герои не достигли счастья, хотя оно и было «так близко, так возможно». Мгновения счастья, гармонии, испытанные однажды героями, и есть высшее вознаграждение судьбы, их жизненный пик, которого им уже никогда не достичь. Остается только воспоминание о несбывшемся счастье, прошедшей молодости. Эти мотивы с нарастающей ностальгической тоской звучат в финалах повестей и романов.

Усадебная повесть тяготеет к «правильной» композиции, словно перекликаясь с архитектурной парковой ансамблем классицизма, которые строились по единому замыслу, исходя из философии и эстетики симметрии, уравновешенности, моноцентричности как архитектурных ансамблей, так и жизни обитателей усадьбы. Пространственная организация задавала строгий распорядок и жизни обитателей усадьбы, например, Никольского в романе «Отцы и дети»: «Все в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, все общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал, что хотел. <...> Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения; вечер посвящался прогулке, картам, музыке; в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать» [7. Т. 8. С. 85].

Само по себе замкнутое пространство усадьбы внутренне бесконфликтно, жизнь в нем напоминает ритуал, обитатели усадьбы словно вписаны в ее интерьер, они, кажется, участвуют в некоем спектакле, где декорации уже определяют сюжет повторяющегося действия. Затянутость экспозиции усадебной повести обусловлена тем, что автор постепенно погружает читателя в устойчивый мир, подробно описывая въезд в усадьбу, сад или пруд, которые находятся перед усадебным домом, сам дом. Вот пример такого описания в романе «Отцы и дети»: «Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленой крышей, белыми колоннами... Господский дом был построен в одном стиле с церковью, в том стиле, который известен у нас под именем Александровского; дом этот был также выкрашен желтой краской и крышу имел зеленую, и белые колонны, и фронтон с гербом» [7. Т. 8. С. 75].

После довольно затянутой экспозиции (в романах Тургенева она, кроме пейзажей, может включать биографические очерки), следует неторопливый подход к завязке. Она невозможна без появления героя из «вне», как правило, из Петербурга, Москвы или заграницы. Вторжение или возвращение в усадебный мир героя из другой среды нужно, чтобы разомкнулся заданный круг усадебной жизни.

Завязка в усадебной повести чаще всего начинается в гостиной. Сначала автор дает описание интерьера, затем погружает читателя в атмосферу жизни обитателей усадьбы. Это может быть семейный обед, ужин, визит гостей или званый вечер, напоминающий салоны.

«Салон уже начался. На широкой кушетке, подбрав под себя ноги и вертя в руках новую французскую брошюру, расположилась хозяйка; у окна за пальцами сидели: с одной стороны дочь Дарьи Михайловны, а с другой m-lle Wopcourt – гувернантка, старая и сухая дева лет шестидесяти, с накладкой черных волос под разноцветным чепцом и хлопчатой бумагой в ушах; в углу, возле двери, поместился Басистов и читал газету, подле него Петя и Ваня играли в шашки, а прислонясь к печке и заложив руки за спину, стоял господин небольшого роста... – некто Африкан Семенович Пигасов» («Рудин») [7. Т. 5. С. 209].

С появлением героя из «вне» действие убыстряется и драматизируется, и все его главные коллизии теперь будут связаны с этим героем. Нередко таких героев, претендующих на роль главного, может быть два или несколько, как, например, в романе «Накануне». Для того чтобы герой стал центром сюжета, ему необходимо пройти ряд испытаний. Это испытание на образованность, эстетический вкус, идеологические принципы. Героя оценивают все обитатели усадьбы, но главный судья – героиня усадебного романа, с присутствием которой в произведении связано движение его сюжета. Ее чувство симпатии к нему постепенно перерастает в духовную привязанность. Героине оказываются созвучны мысли и идеи гостя усадьбы. Он может удивлять, восхищать, казаться странным и загадочным. Душевное сближение приводит к чувству

любви, герою предстоит пройти самое трудное испытание – испытание любовью, в которой невозможно скрыть неискренность, нерешительность, т.к. поступки героя оцениваются сердцем любящей женщины.

Любовный сюжет в усадебном романе вытесняет все побочные сюжеты, становится доминирующим даже в романах, где идеологическая сторона весьма сильна, как, скажем, в «Отцах и детях». Он прочитывается не только на уровне событий, диалогов и монологов героев, но и культурных знаков усадьбы: парки, сады, аллеи, беседки, лужайки, поляны, куртины, пруды, а также все составляющие романтического колорита: луна, звезды, небо, сумерки, тени, ночь и т.д. Важными знаками «пейзажного мышления» [8. С. 21] являются болота, урочища, рвы, обрывы, бугры, горки, холмы, поляны, лужайки, кладбища, руины.

Чтение усадебного романа требует от читателя знания природных и культурных объектов, умения расшифровывать смысл как топонимов усадьбы, так и отдельных ее элементов: цветов, деревьев, кустарников, всего разнообразного мира флоры и фауны. В структуре романа они могут играть роль подобную той, которую играют названия местностей, улиц, домов.

Поскольку действие в усадебном романе разворачивается на двух уровнях – сюжетно-событийном и знаково-символическом, – культурные знаки усадьбы часто соответствуют этапам развития действия: в «сиреновой беседке» происходит первое счастливое свидание героев, на скамейке в яблоневом саду они объясняются в любви и дарят друг другу свой первый поцелуй. Возле сломанного грозой дерева или гнилого, заросшего травой, пруда они прощаются навсегда.

После отъезда героя усадебного романа драматическая острота повествования исчезает, действие сворачивается, и дальнейшие судьбы участников этого действия будут даны автором в форме краткого пересказа.

Финалы усадебных романов, при всем их разнообразии, печальны, но это светлая пушкинская печаль. В них, как в музыкальном произведении, возникает тема напоминания о пережитых чувствах. Это могут быть авторские лирические размышления о жизни, судьбе героев или воспоминания самих героев. Так, в эпилоге романа «Дворянское гнездо» спустя восемь лет после разлуки героев Лаврецкий заходит в дом, долго сидит в гостиной, подходит к той самой скамейке в саду, «на которой он провел несколько счастливых, неповторившихся мгновений» [7. Т. 6. С. 156]. Скамейка почернела и искривилась, «но он узнал ее, и душу его охватило то чувство, которому нет равного и в сладости и в горести, – чувство живой грусти об исчезнувшей молодости, о счастье, которым когда-то обладал» [7. Т. 6. С. 156].

Заключительные строки эпилога романа, представляющие собой авторские вопросы-размышления, звучат как последние музыкальные аккорды сонаты, говорят о чем-то недосказанном, недопонятом до конца: «Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства...» [7. Т. 6. С. 158].

Общую сюжетную схему авторы усадебных повестей осложняют неожиданными поворотами действия,

эстетическими, этическими и философскими мотивировками поступков и мыслей героев. Так, в усадебных романах Тургенева нашли свое отражение не только основные этапы развития русского общественного сознания (от немецкого идеализма до позитивизма и коммунизма), но и мучительный поиск героями ответов на вечные вопросы бытия.

Начиная с шестидесятых годов XIX в. в усадебном жанре усиливается элегическое звучание. В произведениях Бунина элегию сменяет мотив увядания и реквием. Герой Бунина уже не производит никаких действий, не проходит испытаний, которые были уготовлены героям Тургенева и Гончарова. Он лишь вспоминает и переживает. Отсутствуют в произведениях и тургеневские девушки, воспитанные в идиллическом мире усадьбы.

В доме, в гостиной уже не собираются гости, не устраивают салоны, встречи. Лишь ветшающие инте-

рьеры, библиотеки, почерневшие портреты предков напоминают об ушедшем мире. Если в усадьбе еще теплится жизнь, и в гостиной иногда собираются дворяне, то уже мелкопоместные. Их «салоны» больше являются пародией на салоны предыдущих эпох, демонстрируя духовное вымирание целого сословия.

Сады и парки, где проходили основные перипетии любовных романов, разорены или заброшены. От классического усадебного романа в текстах Бунина остались только знаки, «память жанра».

Изучение поэтики усадебной повести позволяет соотнести филологический и культурологический подходы в преподавании истории русской литературы, расширить знания студентов о культуре русского общества XIX в., соединить задачу обучения многозначности художественного языка литературы с формированием умений воспринимать миметическую природу образа, понимания его символической природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русская усадьба*. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1994. Вып. 1 (17); 1996. Вып. 2 (18); 1997. Вып. 3 (19); 1998. Вып. 4 (20); 1999. Вып. 5 (21); 2000. Вып. 6 (22); 2002. Вып. 7 (23); 2003. Вып. 8 (24).
2. Турчин В.С. Царство флоры в поэзии А.С. Пушкина // *Русская усадьба*. М., 2000. Вып. 6. (22).
3. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998.
4. Щукин В.Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // *Из истории русской культуры (XIX век)*. М., 1996. Т. 5.
5. Евангулова О.С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс –Традиция, 2003.
6. Гончаров И.А. *Собрание сочинений*: В 6 т. М.: Наука, 1952–1955. Т. 5.
7. Тургенев И.С. *Полное собрание сочинений и писем. Сочинения*: В 12 т. М.: Наука, 1978–1981; *Письма*: В 18 т. М., 1978–1987.
8. Турчин В.С. Аллегии будней и празднеств в «сословной иерархии» XVIII–XIX веков: от усадебной культуры прошлого до культуры наших дней (эссе) // *Русская усадьба*. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1996. Вып. 2 (18).

Статья поступила в научную редакцию «Филологические науки» 11 января 2005 г.